

А.Ю. Минаков

Консервативная «русская партия» начала XIX века

Русский консерватизм возник прежде всего как очень острая реакция на русское западничество, которое в конце XVIII – начале XIX века имело форму «галломании», и нарастающую угрозу агрессии со стороны наполеоновской Франции, которая воспринималась как носительница революции. Галломания представлялась консерваторам тем идейным злом, в котором оказались как бы сфокусированы все угрозы, которые несла с собой Французская революция и наполеоновская агрессия.

Особую роль в борьбе с галломанией сыграли Н.М. Карамзин, А.С. Шишков, Ф.В. Ростопчин, С.Н. Глинка. Собственно, именно они составили своего рода «первое поколение» русских консерваторов, в основном сформировавшееся в первое десятилетие XIX века.

Центральной фигурой этого поколения был Николай Михайлович Карамзин. В 1789–1790 годах Карамзин совершил заграничное путешествие, побудительным мотивом которого было желание написать книгу о Европе – «царстве просвещенного разума». По возвращении из-за границы Карамзин опубликовал «Письма русского путешественника» (1791–1792), принесшие ему всероссийскую известность. Космополитические и западнические мотивы задавали тон «Письмам»: «Путь образования или просвещения один для народов; все они идут им в след друг за другом. Иностранцы были умнее русских: и так надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано?» [19, с. 253–254]. Россия должна идти по этому пути: «Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами» [19, с. 254].

Тем не менее в 1790-х годах Карамзин испытывает нарастающий скепсис по отношению к идеалам западноевропейского Просвещения. Так, в 1795 году он ярко выразил неприятие и шок, вызванный реализацией идей Просвещения на практике, в ходе Великой Французской революции: «Век просвещения! Я не узнаю тебя – в крови и пламени не узнаю тебя – среди убийств и разрушения не узнаю тебя!» [16, с. 190].

Одновременно Карамзин осознает значение исторической традиции и высказывает неприятие революционных перемен, отдавая предпочтение постепенным органичным изменениям: «Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан; и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку. <...> Всякие насильственные потрясения губительны <...> Легкие умы думают, что все легко; мудрые знают опасность всякой перемены и живут тихо» [19, с. 226–227].

Минаков Аркадий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета, руководитель Центра по изучению консерватизма. E-mail: minak.arkady2010@yandex.ru

Уже в «Письмах русского путешественника» Карамзин пришел к выводу, что для каждого народа необходимо свое государственное устройство, отвечающее его национальным особенностям: «Всякие гражданские учреждения должны быть сообразены с характером народа; что хорошо в Англии, то будет дурно в другой земле» [19, с. 477].

Будучи одним из лидеров сентиментализма, Карамзин не стремился в то же время чрезмерно «офранцузить» русский язык и культуру. Еще в 1791 году он утверждал: «В нашем так называемом хорошем обществе без Французского языка будешь глух и нем. Не стыдно ли? Как не иметь народного самолюбия? Зачем быть попугаями и обезьянами вместе? Наш язык и для разговоров право не хуже других...» [19, с. 338].

В 1790-х годах в его творчестве непрерывно рос интерес к русской истории, сопряженный с романтическим конструированием «русскости». История, считал он, должна пробуждать чувство патриотизма: «Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими, когда они в собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу, то есть говорили, как думали?» [18, с. 27].

Таким образом, к началу XIX века Карамзин проделал сложную идейную эволюцию: от либерала, западника и масона, сторонника Просветительского проекта, до одной из знаковых фигур русского консерватизма.

В первые годы XIX века главным событием стало издание «толстого» журнала «Вестник Европы» (1802–1803), в котором Карамзин выступил в роли политического писателя, публициста, комментатора и международного обозревателя. В своих статьях в этом издании он резко полемизировал со всей просветительской традицией: от энциклопедистов до Ж.-Ж. Руссо. Тогда же Карамзин отказался от главного положения Просвещения – убеждения в том, что человеческий разум творит историю, «все смелые теории ума <...> должны остаться в книгах» [14, с. 344]. Его взгляды на природу человека приобретают явно консервативный характер. Карамзин вступил в полемику с просветительским тезисом Руссо о доброй природе человека и зле как последствии уродующего влияния несправедливого общества. Он утверждал, что, к несчастью, природа человека – эгоизм, то есть она по сути антиобщественна. Несовершенная природа человека исключает совершенное земное устройство.

Нарастание консервативных акцентов в мировоззрении Карамзина выразилось и в том, что он во все большей степени обращает свое внимание на феномен традиции, которая безоговорочно отрицалась Просвещением. Для просветительства одной из основополагающих установок было противопоставление новаторства, олицетворенного Просвещением, и косности, воплощенной в традиции. Карамзин же убежденно заявлял: «Учреждения древности имеют магическую силу, которая не может быть заменена никакою силою ума» [18, с. 223].

В свете вышесказанного нет ничего удивительного, что бывший космополит резко выступил против галломании, против воспитания русских детей за границей, западной моды, против подражательства всему иностранному и т.д., тем более что подобное отрицание было достаточно укоренено в русской интеллектуальной традиции.

Карамзин призвал прекратить безоглядное заимствование опыта Запада: «Патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках <...> Хорошо и должно учиться: но горе <...> народу, который будет всегдашним учеником» [18, с. 257]. Карамзин сознавал необходимость национальной самодостаточности и самостоятельности в жизни и культуре: «Как человек, так и народ, начинает всегда подражанием, но должен со временем быть самим собою» [18, с. 257].

В статьях Карамзина в «Вестнике Европы» его консервативные убеждения впервые выстроились в относительно стройную систему взглядов. Уже дореволюционные авторы именно в этом духе определяли роль и место «Вестника Европы» в становлении русской консервативной мысли.

В 1803 году Карамзин обратился в Министерство народного просвещения с просьбой об официальном назначении его историографом, которая вскоре была удовлетворена особым указом. Научная деятельность Карамзина способствовала дальнейшей эволюции его консервативных взглядов.

Чрезвычайно значимой фигурой в лагере ранних русских консерваторов являлся Александр Семенович Шишков, государственный и общественный деятель, адмирал, поэт и филолог, сыгравший важную роль в становлении русского литературного языка. В царствование Александра I он заявил о себе как о ведущем идеологе русских консервативно-националистических кругов. Реакция Шишкова на галломанию получила яркое выражение в его трактате «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», напечатанном в 1803 году. В нем Шишков подверг критике карамзинский «новый слог», то есть лексические, фразеологические и стилистические заимствования из французского языка.

В «Рассуждении» Шишков резко выступил против тех, кто, по его словам, был «заражен неисцелимою и лишающею всякого рассудка страстию к Французскому языку» [50, с. 1]. К таковым им причислялись не только литераторы сентименталистского направления, которые задались целью усвоить западную словесность, по преимуществу французскую, создав в литературе «новый слог», но и значительная часть русского дворянского общества, которая была полностью или частично сориентирована на французские культурно-поведенческие модели.

Неприятие Шишковым французского языка и культуры носило идейный, консервативно-охранительный характер, было обусловлено стремлением противопоставить Просвещенческому проекту собственную, национальную, русско-православную традицию, ядром которой являлся язык. При этом язык выступал в понимании Шишкова как субстанция народности, квинтэссенция национального самосознания и культуры. «Где нет в сердцах веры, там нет в языке благочестия. Где нет любви к отечеству, там язык не изъявляет чувств отечественных. Где учение основано на мраке лжеумствований, там в языке не воссияет истина; там в наглых и невежественных писаниях господствует один только разврат и ложь. Одним словом, язык есть мерило ума, души и свойств народных» [49, с. 183].

Весьма значительную роль в становлении русского консерватизма сыграл и Федор Васильевич Ростопчин, главнокомандующий Москвы в 1812–1814 годах и член Государственного Совета. В феврале 1792 года он, получив звание камер-юнкера в ранге бригадира, был принят при дворе и стал вхож в великосветские салоны. С 1793 года был прикомандирован на службу при малом дворе великого князя Павла Петровича в Гатчинском дворце. Ростопчин становится любимцем Павла, необходимым ему как воздух. После кончины императрицы Екатерины произошел крутой взлет карьеры Ростопчина. Он был назначен генерал-адъютантом Павла I, награждался орденами и новыми чинами, исполняя важные поручения императора.

В сентябре 1800 года Павел I поручил Ростопчину написать предложения о внешнеполитическом курсе России. В результате появилась записка «О политическом состоянии Европы». Ростопчин предлагал разорвать союз с Англией, создать союз с наполеоновской Францией и осуществить раздел Турции [38, с. 103–110]. Давая характеристику ведущих стран Европы, Ростопчин приходил к выводу, что почти все они «скрытно питают зависть и злобу» к Рос-

сии [38, с. 106]. Последняя должна бдительно следить за ними и, когда ей выгодно, использовать противоречия между ними. Ростопчин считал, что союз с наполеоновской Францией позволит ослабить Англию и осуществить раздел Турции; в результате Франция должна была получить Египет. К разделу Османской империи он предлагал привлечь Пруссию и Австрию. При этом России должны были достаться нынешние Румыния, Болгария, Молдавия и Греция. Таким образом, Ростопчин был одним из первых, кто предложил во внешней политике руководствоваться национальными интересами России, а не субъективными династическими предрасположениями.

После убийства Павла I в 1801 году Ростопчину пришлось на одиннадцать лет удалиться с арены государственной деятельности. Он открыто осуждал Александра I за переворот, приведший к гибели его отца, и категорически не принимал либеральных реформ, связанных с деятельностью Негласного комитета и М.М. Сперанского.

Незаурядный ум и литературные способности, как и родственные связи, делали Ростопчина вхожим в интеллектуальную элиту того времени. Стоит подчеркнуть, что Ростопчин был родственником Карамзина (их жены состояли в родственных отношениях [36, с. 120]), которого спас при Павле I «от вредных следствий клеветы» [36, с. 17]. Ростопчин и Карамзин, безусловно, были «хорошими друзьями и идейными единомышленниками» [51, р. 65]. Именно эти две фигуры олицетворяли собой некий неформальный консервативный центр в Москве.

В 1805 году, после Аустерлицкого поражения, Ростопчин явно готовился стать лидером правой оппозиции, подвергая критике всю александровскую систему власти. Намекая на участие Александра в убийстве Павла I, Ростопчин утверждал: «Бог не может покровительствовать войскам плохого сына». Это замечание стало известным императору и усилило его нерасположение к Ростопчину [11, с. 257; 25, с. 129]. «Император просто не мог без отвращения видеть его» [27, с. 506]. Однако в общественном мнении фигура Ростопчина оказалась в центре внимания.

Огромное воздействие на складывание русского консерватизма оказали события 1805–1807 годов, когда, став участником антинаполеоновских коалиций, Россия потерпела ряд военных поражений и вынуждена была заключить в 1807 году Тильзитский мир, воспринимавшийся современниками как крайне позорный. В обществе возникло исключительное по интенсивности национально-патриотическое настроение.

После Тильзита возник термин «русская партия» [5, с. 201], или партия «старых русских» [32, с. 402], иначе говоря, в общественном мнении и в донесениях иностранных дипломатов был зафиксирован факт возникновения консервативной оппозиции либеральному курсу Александра I. В либеральной историографии деятельность «русской партии» характеризовалась, как правило, крайне негативно. Для историков консервативного направления «русская партия» была объединением защитников русских национальных интересов и патриотов России.

В 1807 году после известия о сражении при Прейсиш-Эйлау вышел памфлет Ф.В. Ростопчина «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева», имевший большой успех в обществе. Это был своего рода манифест складывающегося русского консервативного национализма. Произведение носило не только антинаполеоновскую, но и антифранцузскую направленность: «Долго ли нам быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за ум, сотворить молитву и, плюнув, сказать французам: сгинь ты дьявольское наваждение!» [39, с. 148]. Французы обвинялись Ростопчиным в деградации России, в том, что своим влиянием они разрушили почитание Бога, царя, отечества, внушили презрение к русскому языку.

Ростопчин, вслед за Шишковым, указывал на необходимость искать примеры для подражания в собственном национальном опыте: «Чего у нас нет? Всё есть или может быть. Государь милосердный, дворянство великодушное, купечество богатое, народ трудолюбивый <...> А какие великие люди в ней были и есть! Воины: Шуйский, Голицын, Меншиков, Румянцев, Орлов и Суворов; спасители отечества: Пожарский и Минин; Москвы: Еропкин; главы духовенства: Филарет, Гермоген, Прокопович и Платон; великая женщина делами и умом – Дашкова; министры: Панин, Шаховской, Марков; писатели: Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин, Карамзин, Нелединский, Дмитриев и Богданович. Все они знали и знают французский язык, но никто из них не старался знать его лучше русского» [39, с. 150].

Произведение Ростопчина было напечатано невероятным для того времени тиражом семь тысяч экземпляров, «ни один русский литератор в то время, даже Карамзин, не имел подобных тиражей!» [4, с. 49].

После публикации «Мыслей вслух» Ростопчин стал желанным гостем в салоне великой княгини Екатерины Павловны, которая поставила себе задачей сблизить Ростопчина с императором. В начале 1810 года он был назначен обер-камергером и членом Государственного Совета с правом остаться жить в Москве.

Большое влияние сочинение Ростопчина оказало на Сергея Николаевича Глинку – одну из важнейших фигур в консервативном стане [23]. Глинка в молодости не отличался национально-консервативным мировоззрением, скорее его тогда можно было причислить к поклонникам просветительских идей и Французской революции. Как писал исследователь его биографии, «Россия не существовала для него, вместо России пред его духовным взором являлась Франция, Европа, человечество, народы» [35, л. 10]. На рубеже веков Глинка был страстным поклонником Бонапарта.

Обращение в сторону «русскости» у Глинки, как и у многих его современников, произошло в годы национально-патриотического подъема 1806–1812 годов: «Я видел народ русский; в земской моей службе ознакомился с духом его; я прислушивался к его голосу» [10, с. 102]. В результате былой космополит, увлекавшийся Французской революцией и даже переведший «Марсельезу» на русский, стал на длительное время пламенным консерватором-патриотом.

В 1808 году он начал издание «Русского вестника». Это был ежемесячный журнал национально-консервативного «русского направления», идеологически близкий к позициям Ф.В. Ростопчина и А.С. Шишкова, который выходил в Москве до 1824 года. В объявлении о выходе нового журнала было заявлено, что в «Русском вестнике» будут помещаться «политические известия касательно только до России». В первом номере была изложена программа нового издания: «Все наши упражнения, деяния, чувства и мысли должны иметь целью Отечество <...> Замечая нынешние нравы, воспитание, обычаи, моды и пр., мы будем противопоставлять им не вымыслы романтические, но нравы и добродетели праотцев наших <...> “Руской вестник” посвящается русским» [40, с. 3, 9].

В «Русском вестнике» рассматривался самый широкий круг проблем: от религиозно-философского осмысления мира до проблем воспитания детей в «русском духе». Глинка в своих статьях стремился пробудить интерес широкой публики к отечественной культуре и декларировал, что она имеет такое же право на существование, как и культура всякого другого народа. В журнале популяризовались образы русских выдающихся людей, героев и гениев. Его рассказы о Наталье Кирилловне, о наставнике Петра Великого Н. Зотове, о Минине и Пожарском, о Гермогене, о смуте и т.д. «читались с восторгом».

Одновременно Глинка подвергал критике русское дворянство за галломанию. Результатом ее, согласно Глинке, было то, что «в недрах его [Отечества – А.М.]

возникло общество людей, от всех прочих сословий отличное одеждою, нравами, обычаями, и которое как будто бы составило в России *область иноплеменную*» [41, с. 37–38]. Главным средством от галломании, порождавшей «испорченность» нравов, Глинка считал добродетели, которые были свойственны предкам в идеализируемую Глинкой допетровскую эпоху. Еще одним средством от галломании должна была стать программа «русского воспитания», предполагавшая, что обучение дворянских детей на основе обращения к «старине» – мифологизированной в героическом стиле русской истории, – должны были осуществлять в патриотическом духе только русские учителя.

В 1807 году возникло литературное объединение русских консерваторов, ядро которого составляли так называемые архаисты, противники сентименталистского «нового слога» – «Беседа любителей русского слова».

На заседаниях «Беседы» читали свои произведения А.С. Шишков, И.А. Крылов, Г.Р. Державин, Н.И. Гнедич, С.А. Ширинский-Шихматов и др. По точному замечанию Л.Н. Киселевой, «наиболее интересной стороной шишковских собраний была как раз не литературная часть <...> Сам облик вечеров напоминал скорее важное государственное действие, чем собрание любителей словесности» [20, с. 417].

Устав «Беседы» был разработан А.С. Шишковым. В феврале 1811 года «Беседа любителей русского слова» была высочайше утверждена, а первое торжественное заседание и первые чтения последовали в марте в доме Державина. Композитор Д.С. Бортнянский, близкий к императрице Марии Федоровне, написал поздравительную кантату «Сретение Орфеем солнца», которая была исполнена по намеченной программе певчими из придворной капеллы.

«Беседа» первоначально состояла из действительных членов и из членов-сотрудников [46]. Для соблюдения порядка в чтениях она разделялась на четыре разряда. Председателями разрядов были назначены соответственно – А.С. Шишков, Г.Р. Державин, А.С. Хвостов и И.С. Захаров. К числу действительных членов «Беседы» принадлежали И.А. Крылов, С.А. Ширинский-Шихматов, А.Н. Оленин, Д.И. Хвостов, А.Ф. Лабзин, А.А. Шаховской, П.А. Кикин и др. В числе почетных членов были главнокомандующий С.К. Вязмитинов, Ф.В. Ростопчин, М.М. Философов, О.П. Козодавлев, П.И. Голенищев-Кутузов, А.Н. Голицын, М.М. Сперанский, В.А. Озеров, М.Л. Магницкий, С.С. Уваров, В.В. Капнист, Н.М. Карамзин, А.И. Мусин-Пушкин, Санкт-Петербургский митрополит Амвросий (Подобедов), епископ Вологодский Евгений (Болховитинов). С членами «Беседы» искал контакты Ж. де Местр [15, с. 222].

«Плюралистический» состав «Беседы», участники которой принадлежали к различным политическим и литературным группировкам и направлениям, зачастую находившимся друг с другом во враждебных отношениях, заставляет предположить, что одной из ее недеклалируемых целей было объединение прежних идейных оппонентов в атмосфере резкого усиления угрозы со стороны наполеоновской Франции на основе национально-патриотических настроений.

Литературная деятельность «Беседы» в дореволюционной литературе оценивалась весьма низко (потом эти оценки «перекочевали» в советскую историографию). Между тем современный и наиболее авторитетный исследователь деятельности «Беседы» М.Г. Альтшуллер совсем иначе характеризует ее основной состав: «Во главе “Беседы” стояли такие крупные личности и талантливые литераторы, как Шишков и Державин. Важную роль в ней играл регулярно присутствовавший на заседаниях И.А. Крылов. Среди ее членов мы видим таких талантливых писателей, как Шаховской, Шихматов, Капнист, Горчаков, Греч, Бунина, Гнедич (формально к “Беседе” не принадлежавший) и др. В состав объединения входили видные ученые и общественные деятели: Мордвинов, Оленин, Болховитинов, Востоков и др.» [2, с. 57–58].

На собраниях «Беседы» зачастую присутствовала «практически вся столичная интеллигенция» [2, с. 7]. Общество пользовалось демонстративной поддержкой православной церкви; так, в январе 1812 года «Беседу» посетили все члены Святейшего Синода. Заседания собирали до нескольких сот человек.

Одним из самых выдающихся событий за весь период существования «Беседы» стало чтение Шишковым «Рассуждения о любви к Отечеству», которое состоялось 15 декабря 1811 года. Выступление Шишкова не было его личной инициативой, а отражало позицию всего Общества, на торжественное заседание которого, согласно свидетельствам современников, съехался высший слой дворянского общества, около четырехсот человек; оно было программным и имело прямой политический смысл.

В своем «Рассуждении» Шишков резко обрушился на космополитизм дворянского общества, особенно опасный в преддверии войны с Наполеоном: «Человек, почитающий себя гражданином света, то есть, не принадлежащим никакому народу, делает тоже, как бы он не признавал у себя ни отца, ни матери, ни роду, ни племени. Он, исторгаясь из рода людей, причисляет сам себя к роду животных <...> Все веки, все народы, земля и небеса возопияли бы против него: один ад стал бы ему рукоплескать» [49, с. 147–148, 149]. Пренебрежение к национальным обычаям и традициям, отсутствие патриотизма и любовь к иностранному могут оказаться смертельно опасными в момент военных испытаний для России. Основными источниками патриотизма Шишков называл консервативную триаду: православную веру, воспитание и язык русский.

Влияние речи Шишкова оказалось значительно сильнее, чем он ожидал. Еще в 1810 году он был в немилости у Александра I. Однако после триумфального успеха в обществе «Рассуждения о любви к Отечеству» император затребовал его к себе. Александр заявил Шишкову: «Я читал рассуждение ваше о любви к отечеству. Имея таковые чувства, вы можете ему быть полезны. Кажется, у нас не обойдется без войны с французами. Нужно сделать рекрутский набор; я бы желал, чтоб вы написали о том манифест» [48, с. 121]. Вечером этого же дня Шишков написал текст первого манифеста и вскоре он был опубликован. Накануне войны, отправляясь к границам России, в армию, Александр I повелел Шишкову отправиться вместе с ним и назначил его государственным секретарем.

Таким образом, «Беседа» сыграла исключительно важную политическую роль, обеспечив идеологическую победу консерваторов над представителями правительственного либерализма в канун войны. Однако вслед за этим роль и значение «Беседы» начинает падать. Поскольку после победы над наполеоновской Францией проблема галломании утратила остроту, император явно охладел к деятельности «Беседы». В 1816 году, вслед за смертью Г.Р. Державина, «Беседа» прекратила свое существование.

Одним из наиболее выдающихся проявлений деятельности «русской партии» в 1810–1811 годах стало возникновение и деятельность тверского салона любимой сестры Александра I – великой княгини Екатерины Павловны. Именно при содействии великой княгини основные положения программы русских консерваторов были доведены до сведения Александра I.

Красивая, грациозная, страстная, очень обаятельная, крайне честолюбивая и энергичная Екатерина Павловна обладала сильным, мужским умом, обширными знаниями и широкими связями. Она активно вмешивалась в политику, используя при этом расположение к ней Александра I, на которого в определенные периоды имела большее влияние, чем кто-либо другой из родственников. Император буквально обожал сестру и писал ей письма, которые настолько напоминают переписку влюбленных, что это обстоятельство даже породило миф об инцестуальных отношениях между ними.

В 1808 году к великой княжне сватался Наполеон. Реакция Екатерины Павловны на «нелегитимного» жениха была крайне резкой. «Я скорее пойду замуж за последнего Русского истопника, чем за этого Корсиканца» [28, с. 307]. Этот отказ ухудшил отношения между Россией и Францией.

1 января 1809 года Александр I подписал манифест об обручении Екатерины Павловны с немецким принцем Георгом Гольштейн-Ольденбургским, знатоком немецкой литературы и почитателем Шиллера. Быстрое обручение Екатерины Павловны вызвало особенный патриотический энтузиазм, поскольку оно было не только выражением глубокой антипатии самой Екатерины Павловны к властителю Франции, но и, по существу, очередным вызовом новому союзнику [12, с. 224]. После венчания принц Ольденбургский был назначен генерал-губернатором трех губерний – Новгородской, Тверской и Ярославской и главным директором водных коммуникаций с резиденцией в Твери, которая в то время считалась одним из красивейших городов России. С этого момента «тверской двор» фактически стал центром объединения «русской партии», или консерваторов национально-патриотического направления.

При дворе Екатерины Павловны образовался политический салон, участниками которого были великий князь Константин Павлович, Ж. де Местр, барон фон Штейн, Ф.В. Ростопчин, генерал П.И. Багратион, граф А.И. Мусин-Пушкин, И.И. Дмитриев, поэт Н.И. Гнедич, художник О.А. Кипренский, возможно, А.С. Шишков и др. [51, р. 91–92].

Это, как правило, были люди с явно выраженными консервативными и националистическими политическими взглядами. Центральной фигурой салона была «Тверская полубогиня» (выражение Н.М. Карамзина).

В Твери обсуждались и решались назначения на многие ответственные посты; расположение великой княгини могло способствовать быстрой карьере, или, наоборот, опале. Как у большинства реальных политиков, взгляды Екатерины Павловны не носили развернутого концептуального характера. В своей деятельности она руководствовалась некоторыми основными положениями, вообще свойственными для русской консервативной мысли. Великая княгиня была женщина, «искренно ненавидевшая все, что отзывалось революцией» [25, с. 64]. Она была убеждена в великой исторической миссии русского самодержавного образа правления, считая конституцию «совершенным вздором», а самодержавие полезным не только в России, но и в западноевропейских государствах. Россия, с ее точки зрения, должна быть гегемоном в Европе. Для нее, как для и большинства русских консерваторов того времени, характерно было неприятие галломании.

В начале 1810 года года Н.М. Карамзин через Ф.В. Ростопчина познакомился в Москве с великой княгиней Екатериной Павловной [31, с. 58] и стал постоянно посещать ее резиденцию в Твери. В салоне великой княгини Карамзин начал осваивать роль своего рода светского духовника членов императорской фамилии.

Время сближения великой княгини и Карамзина было определено некоторыми существенными обстоятельствами внутривластной борьбы того времени. В октябре 1809 года М.М. Сперанский по поручению Александра I составил либеральный план государственных преобразований – «Введение к уложению государственных законов» – и представил его императору. Учреждение Государственного Совета в 1810 году свидетельствовало о начале реализации этого плана. Либеральный проект вызвал активное противодействие «консервативной партии», одним из лидеров которой являлась Екатерина Павловна. Консерваторы решили использовать в своих целях Карамзина как мощную идейную и нравственную силу, фигуру, равную Сперанскому по интеллекту и возможностям влияния на широкую публику.

Во время поездок в Тверь разговоры велись о реформах, связываемых с именем М.М. Сперанского, и Н.М. Карамзин высказывал о них критическое мнение. Вероятно, Екатерина Павловна попросила Карамзина изложить свои суждения отдельной запиской.

В начале февраля 1811 года Карамзин подготовил текст «Записки о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении» и совершил очередной визит в Тверь, где пробыл две недели. В середине марта произошла встреча Александра I и Карамзина. После беседы, посвященной «Истории государства Российского», Екатерина Павловна отдала «Записку» на прочтение царю.

В ней Карамзин исходил из общего принципиального положения, что «настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее» [17, с. 378]. С этой целью им анализируется русское историческое прошлое, чтобы осветить настоящее и найти в прошлом идеал будущего, которым было для Карамзина самодержавие: «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием» [17, с. 382]. В историческом обзоре Карамзин подчеркивал, что только «единодержавием» или «единовластием» спасалась Русь. Ослабление его привело к раздробленности, ослаблению государства и к татарскому игу.

Московский период Карамзин оценивал чрезвычайно высоко, поскольку именно Москва возродила принцип единовластия. Карамзин отмечал сдержанность Москвы во внешней политике, ориентацию на национальные интересы, изоляционизм по отношению к европейской политике. Отношение Карамзина к Петру I было в целом негативным. После Петра Россия пошла путем Запада, «предписанным ей рукою Петра, более и более удаляясь от своих древних нравов и сообразуясь с европейскими» [17, с. 393].

Вторая часть «Записки» содержит критику внешней и внутренней политики, в особенности либеральных начинаний Александра I. Карамзин обвинял советников царя в реформаторском зуде, реформах ради реформ, непродуманных, поспешных, непоследовательных преобразованиях: «Всякая новость [новшество – А.М.] в государственном порядке есть зло, к коему надобно прибегать только в необходимости» [17, с. 393].

Общая позиция Карамзина отражалась в блестящих афоризмах в духе Э. Бёрка или де Местра: «к древним государственным зданиям прикасаться опасно; Россия же существует около тысячи лет, и не в образе древней орды, но в виде государства великого. А нам все твердят о новых образованиях, о новых уставах, как будто мы недавно вышли из темных лесов американских! Требуем более мудрости хранительной, нежели творческой» [17, с. 407].

Представленный в Государственный Совет М.М. Сперанским проект общего гражданского законодательства (уложения) по утверждению Н.М. Карамзина является перифразом французского законодательства, калькой с кодекса Наполеона [17, с. 422]. Карамзин в ответ провозглашает: «Законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств» [17, с. 423.]

На последних страницах «Записки» излагается позитивная программа. Надо уметь подбирать на ответственные места способных людей: «не формы, а люди важны. <...> да будет <...> правило: искать людей» (здесь и далее курсив Карамзина – А.М.) [17, с. 427]. Карамзин предлагает обновить губернаторский корпус, усилить власть губернаторов за счет ослабления министерств и Государственного Совета, уменьшить количество бюрократов и бюрократических инстанций, действующих независимо от губернаторов: «дела пойдут в России как должно, если вы найдете в России 50 мужей умных, добросовестных, которые ревностно станут блюсти вверенное каждому из них благо полумиллиона

россиян, обуздают хищное корыстолюбие нижних чиновников и господ жестоких, восстановят правосудие, успокоят земледельцев, ободрят купечество и промышленность, сохраняют пользу казны и народа» [17, с. 428.].

Программа предполагала опору самодержца на дворянство и возвышение последнего.

Таковы были основные положения консервативной программы Н.М. Карамзина, сформулированные им в «Записке». По прошествии пяти лет, в 1816 году, Александр I, награждая Карамзина Аннинской лентой, подчеркнул, что делается это не столько за его «Историю», сколько за его «Записку о древней и новой России» [9, с. 41].

Трактат «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» – один из наиболее глубоких и содержательных документов русской консервативной мысли того времени. По мнению В.А. Китаева: «Записка “О древней и новой России” в ее содержательном целом не может претендовать ни на какое иное определение, кроме манифеста консерватизма» [21, с. 21].

Крупнейшей политической победой различных группировок «консервативной партии» стал разгром «французской партии» в марте 1812 года – опала М.М. Сперанского. Сразу же после этого происходят «тектонические» кадровые назначения, которые выносят лидеров «русской партии» к вершине власти. 9 апреля произошло назначение А.С. Шишкова государственным секретарем, а 29 мая Ф.В. Ростопчин был произведен в генералы от инфантерии и вслед за тем состоялось его назначение московским генерал-губернатором. Ему был также дарован титул Московского главнокомандующего. Таким образом, можно констатировать, что в рассматриваемый период в результате массового распространения национально-патриотических настроений, вызванного наполеоновской агрессией, произошло резкое усиление политических позиций консерваторов.

По отношению к начавшейся войне в стане консерваторов преобладала точка зрения, что ее надо вести до последнего. Наиболее последовательной и авторитетной выразительницей этой позиции была Екатерина Павловна. Ее точка зрения разделялась подавляющим большинством консерваторов, в особенности А.С. Шишковым, Ф.В. Ростопчиным и С.Н. Глинкой. Вскоре после сдачи Москвы Екатерина Павловна заявляла: «Что бы ни случилось – не мириться: вот мое исповедание» [3, с. 56]. В тяжелое время великая княгиня оказалась на высоте положения, неоднократно проявляя энергию и инициативу. Ее патриотические настроения нашли яркое отражение в письмах к Н.М. Карамзину. В частности, она писала: «Все мы терпим по одной причине, мы терпим за мать, за славную Россию, но можем ею гордиться и гордо скажем поработенным иноземцам: вы собрались со всех краев света, пришли с огнем и мечом, но мы, обращая грады наши в пепел, предпочли разорение их осквернению, и сим дали вам великий пример; славная наша столица погибла, мы не колебнулись; вы ожидали мира, нет, мы вам готовим смерть, на ваших могилах восстанут грады наши, яко на славнейшем подножии. Пленные завидуют имени Русскому, офицеры упрашивают честь носить наш мундир, ибо нет свыше оной: Россия была вторая в Европе держава, теперь и навеки она первая и скоро к стопам ее прибегнут цари, моля о мире и покровительстве. Веселитесь мыслью сею, она не мечта, но истина» [33, с. 59]. В другом письме: «Неприятель бежит – мы его преследуем и уничтожаем. По видимому настал последний час для чудовища, который смутил всю вселенную. Россия восторжествует над всем миром, ибо ей будет принадлежать честь произнесения последнего приговора над врагом. <...> Вы пишете историю прошлых времен; если вы ее продолжите до наших дней, то вот вам случай для чудного повествования: Россия, в борьбе со всеми соединенными силами Европы, как будто склоняется перед их бурным потоком,

но скоро вновь воздвигает державное чело свое и является во всем блеске и величии. Можно гордиться, что мы русские; по крайней мере, этим чувством наполнена моя душа» [33, с. 60–61].

15 декабря 1812 года ее супруг принц Ольденбургский скончался. Екатерина настолько была потрясена его смертью, что тяжело заболела, за ее рас­судок всерьез опасались. С этого момента она перестает быть активным лидером «русской партии», да и в целом сходит с русской политической сцены. Следует признать, что роль «династических» консерваторов в войне 1812 года вроде Екатерины Павловны оказалась значительно меньше той, которую сыграли менее именитые лидеры «русской партии». Особо стоит выделить заслуги Шишкова, Ростопчина и Глинки.

На посту государственного секретаря Шишков должен был находиться при императоре в качестве личного секретаря для составления манифестов, указов и других бумаг канцелярии Александра. Манифесты, написанные Шишковым, зачитывались по всей России. Он блестяще выполнил роль главного идеолога и пропагандиста Отечественной войны. Составленные им манифесты, будучи откликами на все ее важнейшие события, укрепляли патриотический дух русского народа, поддерживали его в тяжелые дни поражений. В воспоминаниях почитателя Шишкова С.Т. Аксакова говорится о том, что «писанные им манифесты действовали электрически на целую Русь. Несмотря на книжные, иногда несколько напыщенные выражения, русское чувство, которым они были проникнуты, сильно отзывалось в сердцах русских людей» [1, с. 276].

Благодаря формулировкам в официальных документах А.С. Шишкова война начинает восприниматься как столкновение двух миров с диаметрально противоположными приоритетами. Растрепанная Франция настойчиво противопоставлялась благоденствующей в мире и тишине России, русское понимание свободы как национальной независимости – французскому «своеволию», восходящему к революционным понятиям, русские «коренные добродетели» – французскому «безверию и разврату» [4, с. 76]. В манифестах Шишкова французы и Наполеон изображались как порождение дьявольского начала, как средоточие мирового зла, а революция – как вселенская катастрофа. Противостояли этим явлениям те ценности, которые были дороги Шишкову и его единомышленникам: самодержавная монархия, православие, русский патриотизм.

После падения Наполеона Шишков предлагал уничтожить все следы революции и даже Просвещения во Франции [24, с. 62]. Разумеется, сама ситуация беспрецедентной по масштабам войны позволила ему открыто демонстрировать и поощрять презрение и ненависть к французам, которые, с его точки зрения, являлись безбожным и развращенным народом, легко поддавшимся влиянию разрушительных идей. Обличение галломании стараниями Шишкова превратилось в одну из главных государственных задач.

Галлофобия Шишкова имела оборотной стороной нежелание вообще входить в соприкосновение с врагом на его собственной территории, дабы избежать массового воздействия на армию и общество его культуры, начиная от идей и заканчивая устройством быта. Если вспомнить, какую роль сыграло пребывание русской армии за границей в зарождении декабризма, то следует признать, что подобного рода опасения Шишкова оказались небезосновательны.

В начале 1814 года Шишков составил проект манифеста, который, однако, так и не был опубликован. В нем он еще раз изложил свои представления о французах как концентрированном мировом зле. Его галлофобия достигла в этом документе наивысшего пика: «Истребление всех вас с лица земли не удовлетворит достаточно правосудию» [12, с. 271].

Значение манифестов Шишкова точно отметил М.Г. Альтшуллер: «Написанные от имени царя и правительства манифесты дали Шишкову уникальную

возможность изложить свою политическую программу не только перед образованными и искушенными в политике интеллигентными дворянами, но и перед всем народом. Он остался в этих пламенных воззваниях верен своим излюбленным идеям» [2, с. 347].

30 августа был подписан «милостивый манифест», в котором подводился итог войне 1812 года и заграничным походам следующих годов, перечислялись «отличные и важные заслуги» всех сословий страны. Этот документ ознаменовал и конец карьере Шишкова как государственного секретаря: 30 же августа был датирован указ Сенату о назначении вице-адмирала, «в воздаяние долговременной ревностной службы и трудов, понесенных в минувшую войну», в департамент законов Государственного Совета [42, с. 78]. Шишков сыграл свою роль, она была очень значительной, но больше его национализм не был востребован на государственном уровне, начиналась эпоха Священного Союза и религиозно-мистических экспериментов, окрашенная в космополитические тона.

Не менее важную роль сыграл и Ф.В. Ростопчин. 19 (31) июля 1812 года император заявил ему: «Я даю вам полную власть действовать, как сочтете нужным». «Он, – вспоминал Ростопчин, – оставил меня полновластным распорядителем, вполне облеченным его доверенностью и в чрезвычайно затруднительном положении покинутого импровизатора, которому дали задачу: Наполеон и Москва» [47, с. 92]. Повседневные обязанности Ростопчина были связаны с поддержанием жизни столицы и обеспечения всем необходимым армии. Благодаря искусному использованию патриотической риторики, обращенной к дворянству и купечеству, Ростопчин обеспечил сбор богатейших пожертвований на нужды армии. Он также возглавил комитет для организации московского ополчения. Помимо этого Ростопчин возглавил организацию ополчений в шести губерниях: Тверской, Ярославской, Владимирской, Рязанской, Калужской и Тульской. Кроме формирования ополчения, Ростопчин ведал также размещением и лечением раненых, поступавших из армии [8, с. 126–129].

Одновременно Ростопчин выпускал знаменитые «ростопчинские афишки» (по формату они напоминали театральные афиши), информирующие и разъясняющие московскому простонародью происходящие в стране и в Москве события. Это были своего рода «мысли вслух», которыми Ростопчин хотел успокоить народ, вселить в него уверенность в армии, показать, что «побойчей французов твоих были поляки, татары и шведы, да тех старики наши так откачали, что и по сю пору круг Москвы курганы, как грибы, а под грибами-то их кости» [37, с. 209–210]. Все «афиши» были подчинены одной цели – не допустить паники среди населения столицы и, напротив, внушить уверенность в будущей победе над Наполеоном. Французы изображались в свойственной Ростопчину карикатурной манере, что, вообще говоря, является характерной особенностью русской военной пропаганды: «От капусты раздует, от каши перелопаются, от щей задохнутся, а которые в зиму-то и останутся, так крещенские морозы поморят» [37, с. 209]. В простонародье, в среде мещан и купечества, они читались с восторгом: «слова его были по сердцу народу русскому» [30, с. 13]. Стоит заметить, что и Карамзин с одобрением писал об «афишах» Ростопчина: «Такое единение народа и власти прекрасно! Я готов предложить вам содействие, располагайте мною и моим пером» [36, с. 153]. Друг и единомышленник Ростопчина генерал П.И. Багратион в письме от 22 августа 1812 года также восторгался «афишами»: «Со слезами читал лист печатный, вами изданный. Истинный ты русский вождь и барин. Я тебя давно обожаю и давно чтил везде и по гроб чтить не перестану» [22, с. 107].

Главной целью афиш были «чисто практические» результаты, прежде всего – разжигание партизанской войны против французов [43, с. 2]. 12 августа

1812 года Ростопчин обращается к крестьянам Московской губернии: «Готовьтесь с чем бы ни было: с косой, серпом, топором, дубиной и рогатиною!.. Неситесь!.. поражайте злодея козненного!.. Пса гладного!.. дерзнувшего потоптать ваши нивы, пожрать ваш хлеб...» [26, с. 162]. В афише от 30 августа он призвал «молодцов и городских и деревенских» явиться «с топором, недурно с рогатиной, а всего лучше вилы-тройчатки: француз не тяжелее снопа ржаного» [37, с. 218]. Н.Ф. Дубровин утверждал, что именно вследствие подобных призывов Ростопчина «поднялась всеобщая народная война» [10, с. 449], когда неприятель вошел в Москву.

3 сентября, после занятия французами Москвы, вспыхнул грандиозный пожар, продолжавшийся до 8 сентября и уничтоживший девять десятых города. В силу ряда обстоятельств Ростопчин скрывал свою причастность к организации этого пожара. Между тем дореволюционный исследователь В.К. Надлер как о само собою разумеющемся писал, что первые поджоги в городе сделаны были по приказанию Ростопчина полицейским чиновником Вороненко [29, с. 377]. Дело довершил патриотический порыв москвичей: «Русские жгли свое последнее достояние не по приказанию правительства или его агентов, а по своей собственной доброй воле» [29, с. 377]. Ныне историки склоняются к версии, что именно Ростопчин подготовил все необходимые условия для этой акции: создал команду полицейских-поджигателей и вывез из Москвы все пожарные принадлежности [26, с. 193–200]. Сожжение Москвы имело огромное стратегическое и моральное значение и повлияло на весь дальнейший ход войны. В результате армия Наполеона была лишена жилья, в котором можно было перезимовать, и необходимых запасов продовольствия.

В течение двух последующих лет Ростопчин оставался на посту Московского главнокомандующего. Деятельность его проходила в исключительно сложных условиях. Его обвиняли в пожаре Москвы, гибели имущества огромного количества дворянских семей. В эти годы он занимался восстановлением города, вывозом из него и захоронением огромного количества мертвых тел, организацией помощи пострадавшим от пожара московским жителям.

30 августа 1814 года Ростопчин был отправлен в отставку с назначением в члены Государственного Совета. Напомним, в этот же день был отправлен в отставку Шишков. 31 августа 1814 года, то есть на следующий день, император разрешил Сперанскому покинуть место ссылки. Вряд ли это было случайным совпадением.

Отечественная война стала временем наибольшей популярности С.Н. Глинки, именно в это время масштабы его деятельности, общественной и публицистической, были особенно велики. Согласно усердно распространяемой им самим легенде, Глинка «первый в Москве записался в ратники [ополчения – А.М.] и первый обрек все, что имел, на алтарь отечества» [34, л. 1]. 9 июля Глинка был вызван к Ростопчину, который встретил его с расprostертыми объятиями. Он был пожалован 18 июля 1812 года высочайшим рескриптом в кавалеры ордена Св. Владимира четвертой степени за «любовь к отечеству», «доказанную сочинениями и деяниями». Александр I дал Глинке «особые поручения», заключающиеся в том, чтобы следить за народом, «успокаивать умы и внушать им меры предосторожности, предостерегая их от смущения и торопливой робости» [35, л. 23]. Кроме того, ему были вручены 300 тысяч рублей на издательскую деятельность, сумма по тем временам огромная. Сын Глинки, В.С. Глинка, вспоминал: «Он не хотел и прикасаться до вверенной ему суммы, и старался помочь, где видел необходимость из собственных своих средств. Заложив драгоценные вещи жены своей, продав свою библиотеку, Глинка помог

поступить на службу в ополчение до 20 человек» [13, л. 6 об. – 7]. В итоге Глинка не потратил ни рубля казенной субсидии. По окончании войны деньги были возвращены им в казну.

В событиях 1812 года в Москве Глинка сыграл весьма важную роль. П.А. Вяземский писал, что Ростопчин, обладая «в высшей степени русским чувством и умением действовать на массы, <...> хорошо понял значение Глинки в подобных обстоятельствах. <...> Глинка был рожден народным трибуном, но трибуном законным, трибуном правительства. Он умел по православному говорить с народом православным. Речами своими он успокаивал и ободрял народ. И то, и другое по обстоятельствам было нужно» [7, с. 440].

Глинка работал в тесном взаимодействии с Ростопчиным. И.В. Евдокимов отмечал: «Эти два деятеля работали вместе, часто встречались глухими ночами, советовались и обдумывали меры воздействия на народ. Глинка разъезжал по окрестностям Москвы, составлял ополчение, призывал к партизанской войне, сочинял и издавал летучие листки и все время был в движении. Плоды этой работы сказались впоследствии» [35, л. 23]. В своих позднейших воспоминаниях Глинка мимоходом обронил: «В то время деланы мне были тайные и важные поручения, от которых жизнь моя неоднократно подвергалась опасности» [34, л. 1 об. – 2].

В водовороте событий Глинка не забывал и о журналистской деятельности. В 1812 году антифранцузская направленность «Русского вестника» резко усилилась. Наполеон предстал на его страницах как «исчадие греха, раб ложной, адской славы, изверг естества, лютый сын геенны». Одновременно с материалами антифранцузского содержания Глинка публиковал статьи, оды и гимны, где воспевал героизм русского народа и армии в войне против Наполеона. Не случайно патриотическая публицистика Глинки в «Русском вестнике» была названа биографом Глинки «Уложением любви к Отечеству» [45, с. 10].

Значительный вклад лидеров русских консерваторов в победу над врагом неоспорим. По-своему прав был Н.Н. Булич, который заявлял: «В войне народной победила патриотическая партия; она была убеждена, что восторжествовали ее консервативные начала, что побеждена французская революция, глубоко ненавидимая ею» [6, с. 590]. Представляется, что события 1812 года оказали сильное воздействие и на становление раннего русского консерватизма, обусловив его специфику, которая существенно отличала его от других вариантов континентального или же английского консерватизма. Анализ вклада основных идеологов и практиков русского консерватизма в события 1812 года и сопутствующих ему лет показывает, что именно этот год стал решающим в становлении данного идейно-политического направления.

Литература

1. Аксаков С.Т. Воспоминания об А.С. Шишкове // Аксаков С.Т. Собр.соч.: в 5 т. М., 1986. Т. 2.
2. Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства. М., 2007.
3. Божерянов И.Н. Великая княгиня Екатерина Павловна. СПб., 1888.
4. Бокова В.М. Беспокойный дух времени. Общественная мысль первой трети XIX в. // Очерки русской культуры XIX века. Т. 4: Общественная мысль. М., 2003.
5. Бочкарев В.Н. Консерваторы и националисты в России в начале XIX века // Отечественная война 1812 г. и русское общество. М., 1911.
6. Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. СПб., 1912.
7. Вяземский П.А. Сергей Николаевич Глинка // Глинка С.Н. Записки. М., 2004.
8. Горностаев М.В. Ф.В. Ростопчин // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005.
9. Грот Я.К. Очерк деятельности и личности Карамзина, читанный академиком Я.К. Гротом // Торжественное собрание императорской Академии Наук, в память столетней годовщины рождения Н.М. Карамзина. СПб., 1867.

10. *Дубровин Н.Ф.* Москва и граф Ростопчин в 1812 году: материалы для внутренней стороны 1812 года // Военный сборник. СПб., 1863.
11. *Ельницкий А.* Ростопчин // Русский биографический словарь. СПб., б.г. Т. 17: Романов – Рясковский.
12. *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.
13. ИРЛИ РАН. Рукописный отдел. Ф. 265. Оп. 2. № 675.
14. *Лотман Ю.М.* Карамзин. СПб., 1997.
15. *Каганович Б.С.* А.Н. Шестунин // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 206–229.
16. *Карамзин Н.М.* Мелодор к Филалету // О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. М., 2002.
17. *Карамзин Н.М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // *Карамзин Н.М.* О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. М., 2002.
18. *Карамзин Н.М.* О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. М., 2002.
19. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л., 1987.
20. *Киселева Л.Н.* Литературная жизнь России 1800-х гг. в «Записках современника» // *Жихарев С.П.* Записки современника: Воспоминания старого театрала: в 2-х т. Л., 1989. Т. 2.
21. *Китаев В.А.* Век XIX: пути русской мысли. Нижний Новгород, 2008.
22. Князь Багратион – графу Ростопчину. 22 августа 1812 г. // *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М.: ГПИБ, 2006.
23. *Лупарева Н.Н.* «Отечестволюбец»: общественно-политическая деятельность и взгляды С.Н. Глинки. Воронеж, 2012.
24. *Мартин А.* «Допотопный» консерватизм Александра Семеновича Шишкова // Консерватизм: идеи и люди. Пермь, 1998.
25. *Мельгунов С.П.* Дела и люди Александровского времени. Берлин, 1923. Т. 1.
26. *Мещерякова А.О.* Ф.В. Ростопчин: у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007.
27. *Морошкин М.Я.* Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени СПб., 1870.
28. [*Муханова М.С.*] Из записок Марии Сергеевны Мухановой // Русский архив. 1878.
29. *Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Рига, 1886. Т. 1.
30. *Овчинников Г.Д.* «И дышит умом и юмором того времени...» // *Ростопчин Ф.В.* Ох, французы! М., 1992.
31. *Погодин М.П.* Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников: материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями. М., 1866. Ч. II.
32. *Попов А.Н.* Эпизоды из истории 1812 г. // Русский архив. 1892. № 5.
33. *Пушкин Е.А.* Письма великой княгини Екатерины Павловны. Тверь, 1888.
34. РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 3. Ед. хр. 35.
35. РГАЛИ. Ф. 1246. Оп.3. Ед. хр. 75. Евдокимов И.В.
36. *Рожанковская И.И.* Судьба одного семейства. Карамзины. Вяземские. СПб., 2008.
37. *Ростопчин Ф.В.* Афиши 1812 года, или Дружеские послания от главнокомандующего в Москве к жителям ее // *Ростопчин Ф.В.* Ох, французы. М., 1992.
38. *Ростопчин Ф.В.* Записка гр. Ф.В. Ростопчина о политическом отношении России в последние месяцы павловского царствования // Русский Архив. 1878. № 1.
39. *Ростопчин Ф.В.* «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева» // *Ростопчин Ф.В.* Ох, французы! М., 1992.
40. Русский вестник. 1808. № 1.
41. Русский вестник. 1808. № 4.
42. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1891. Вып. 4.
43. *Тихонравов Н.С.* Гр. Ф.В. Ростопчин и литература в 1812 г. // Отечественные записки. 1854. № 7. Отд. II.
44. *Троицкий Н.А.* Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002.
45. *Федоров Б.М.* Пятидесятилетие литературной жизни С.Н. Глинки. СПб., 1844.
46. *Хвостов Д.И.* Записки о словесности // Литературный архив. Вып. 1. М.; Л., 1938.
47. *Шильдер Н.К.* Император Александр I: его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. 3.
48. *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка. Берлин, 1817. Т. 1.
49. *Шишков А.С.* Рассуждение о любви к Отечеству // Собрание сочинений и переводов. Ч. 4. СПб., 1825.
50. *Шишков А.С.* Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка // *Шишков А.С.* Собрание сочинений и переводов. СПб., 1824. Ч. II.
51. *Martin A.* Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb, 1997.

Аннотация. В статье рассматривается история возникновения так называемой консервативной «русской партии» в начале XIX века – деятельность и взгляды ее основных деятелей, основные идеи, периодические издания и объединения.

Ключевые слова: ранний русский консерватизм, консервативная «русская партия», Н.М. Карамзин, А.С. Шишков, Ф.В. Ростопчин, С.Н. Глинка, великая княгиня Екатерина Павловна.

Arkady Minakov, Ph.D. in History, Professor, Voronezh State University; Director, Center for Conservative Studies. E-mail: minak.arkady2010@yandex.ru

Conservative “Russian party” in the Early XIX century

Abstract. The article discusses the history of the conservative “Russian party” in the early nineteenth century, its activities and attitudes of the key party members, main viewpoints, periodicals and associations.

Keywords: Early Russian Conservatism, Conservative “Russian Party”, Nikolay Karamzin, Alexander Shishkov, Fyodor Rostopchin, Sergey Glinka, Grand Duchess Ekaterina Pavlovna.